
АННА БАЖЕНОВА

“ВИДНО, ТАК И ЗАВЕЩАНО НАМ ВЫЖИВАТЬ...”

(Поэзия Светланы Сырневой)

Лесков в предисловии к циклу своих рассказов “Праведники” писал: “...неужто в самом деле ни в чьей русской душе не видать ничего, кроме дряни? Неужто всё доброе и хорошее, что когда-либо заметил художественный взгляд писателей, — одна выдумка и вздор? Это не только грустно, это страшно. Если без трёх праведных, по народному поверью, не стоит ни один город, то как же устоять целой земле с одной дрянью, которая живёт в твоей и моей душе, мой читатель?”

СМИ в наше время демонстрируют столько примеров человеческой “неправедности”, что начинает казаться — в российской действительности давно уже нет ничего доброго и хорошего. И перед россиянами сегодняшнего либерального времени, как и перед россиянами либеральных времён Лескова, встаёт вопрос: если у нас всё так плохо, то есть ли вообще смысл в существовании некоей особой России — страны с самобытной культурой, духовной традицией, — одним словом, страны с собственной, как теперь говорят, народной ментальностью? Есть ли вообще смысл в существовании русского народа?

На подобные вопросы во времена смут, шатаний, отчаяния и кажущейся безысходности всегда старалась ответить наша Литература. Пушкин, Достоевский, Толстой, Лесков, Блок, Есенин, Шолохов... Даже в эпохи, казалось бы, самых низких и безнадежных народных падений у них хватало мужества, зоркости, любви видеть в народе не одно лишь дурное. Они замечали и праведное начало — всё то же “банальное” стремление к Истине, Добру и Красоте, к творчеству, к созиданию. Русский человек как носитель и воплощение в мире не столько тленных материальных, сколько вечных духовных ценностей противопоставлялся обычно им человеку западному — типичному потребителю земных благ. Сегодня, когда навязывается культ потребления, наверное, особенно важно отыскивать, замечать, высвечивать в человеке то, что не разрушает, но хранит и восполняет духовное начало мира. Об этом и пишет наша современница — поэт Светлана Сырнева:

*Это наш, это русский секрет,
Он не видится, не открывается.
И ему объяснения нет,
И цена его не называется...*

Замеченная благодарным русским читателем и отмеченная серьёзной критикой как талантливый, вне сомнения, поэт, Светлана Сырнева написала о себе: "...дело даже не в степени моего таланта, а в стремлении народа к реализации своих сил, в том числе и художественных, которые, как известно, наиболее отчётливо проявляются в отдельном человеке. Возможно, и в моём литературном развитии... участвовала та самая совокупная народная воля, о которой упоминал в своих трудах Вадим Кожинов..."

"Совокупная народная воля", которая в её творчестве проявилась, направлена прежде всего на возрождение духовного мира России – на выполнение тех образовавшихся в народном сознании нравственных пустот и идейных, эстетических и поэтических провалов, которые мешают народу с надеждой жить и с желанием созидать.

Светлана Сырнева поэтически осмысливает и оправдывает бытие России. Она указывает русскому читателю на реальность тех абсолютных ценностей, которые и во все времена, и в наши дни противостоят распаду. Её поэзия чётко определяла и определяет духовные ориентиры, размытые и утерянные "в час рокового смещения эпох", когда на смену рухнувшей "советской империи" вырос на её обломках новый, "либерально-демократический" строй, когда многие так и не смогли или не захотели перестроиться на новый лад. Не смогли и не захотели принять меркантилизма и беспринципности, не соблазнились пестротой внешнего изобилия при внутренней пустоте, не очаровались шумной и разнузданной имитацией "свободного полёта" при приземлённой рабской зависимости от доллара...

*Словно бы полем, поляной, рекой,
Небом и космосом, всеми и вся
Невосполнимо утрачен покой,
И ни на что опереться нельзя...*

Русским ли добровольно сводить цель жизни к "американской мечте"?.. И в результате старые русские в новой стране даже собственной мечты о будущем найти не сумели. Утеря традиционного идеала, отсутствие того вечного, несуетного, во что можно верить и ради чего стоит жить, оттолкнули их от настоящего. Они повернулись к "прошлому веку". Они предали себя щемлящим воспоминаниям о минувшей эпохе, где у них, несмотря ни на что, всё-таки оставалось то сокровенное, что их духовно питало, "на чём душа держалась":

*Детство грубого помола,
Камыши, туман и реки,
Сад, а в нём – родная школа,
Вы остались в прошлом веке...
То, на чём душа держалась,
Из чего лепила соты, –
В прошлом веке всё осталось
Без присмотра и заботы...*

А раз всё это безвозвратно ушло вместе с "прошлым веком", то в настоящем остаётся только мучительно-сладкая ностальгия, превратившаяся в своего рода болезнь, в опьянение памятью:

*... Разве не пьяницы мы
Нынче? Висок подперевши,
До ночи самой:
Вдаль посмотреть – и томиться,
Внутрь заглянуть – и рыдать?..*

А подобная ностальгия не только не возвращает то доброе, что было в прошлой России, но она разъедает, истомляет и, наконец, омертвляет душу. Следствием такого безоглядного ухода, полного порой погружения в воспоминания становится равнодушное нежелание не только принять, но и попытаться понять новую российскую действительность, трезво разобраться в ней, какова бы она ни была, наконец, постараться что-либо в ней изменить.

От этого в реальной повседневной жизни – частая растерянность и обломовская бездейственность, неспособность противостоять разрушению родного дома:

*Этот сад лопухами зарос,
Перепрела, истлела ограда,
И забылся, не нужен вопрос:
Справедливо ли? так ли и надо?..
Душу ты не жалея, не тревожь
Безвозвратно, она утомилась...
Притерпелось, притёрлось давно,
К абсолютной неподвижности клонит.
Так с годами уходят на дно
Бесполезные брёвна в затоне...*

И в иные эпохи людей подавленных, невыносимо утомлённых тянуло к “абсолютной неподвижности”, к покою. (Вспомним, как заготавливали себе гробы крестьяне в платоновском “Котловане”.) И в иные эпохи те, кто ощущал безысходность, мечтали “забыться и уснуть”. Уснуть, чтобы отдохнуть наконец от тяжкой “ноши семьи”, “холода, болезни детей, нищеты”, от вечной необходимости “дыры латать у скупого огня”, упорно восстанавливая целостность своего мира. Вечно уставших всегда начинало тянуть к смерти, которая уже не пугала, а казалась желанной:

*... Что для русского умереть?
О, не более чем уснуть...*

Причём очень часто рай в сознании утомлённого нищетой и надрывным трудом народа начинал принимать языческие черты. Смерть-сон начинала казаться переходом в некую блаженную страну Муравию с кисельными реками и молочными берегами, где тепло, спокойно и сытно, где

*... позволится досыта плакать
И позволится пить допьяна...*

Но любой, даже воображаемый самодостаточный материалистический Эдем рано или поздно русским человеком начинает восприниматься неполноценным: даже в неизбежные минуты трезвения и пробуждения сразу же начинает чего-то мучительно не хватать:

*... Что, душа, ты ещё не вкусила?
Что ещё ты желала б вкусить?
Ты б чего-то ещё попросила,
Да не знаешь, чего попросить...*

Никакой желаемый сыто-пьяный земной рай всё-таки никогда не заменит настоящей, реальной изначальной России. Пусть в ней “и счастья не вдоволь, и выжить непросто”. В русском чувстве родины всегда заключается стремление к чему-то большему, нежели тепло и сытость, нечто сверхчувственное и иррациональное. Именно через сверхчувственную и иррациональную любовь к “многострадальной земле” и приходили даже в годы самого оголтелого атеизма к той “безрассудной вере”, которая помогала жить за пределами человеческих сил, которая одна, наверное, и побуждала как-то преодолевать тяготение “неподвижности”.

Более того, именно в те времена, в те эпохи, когда “безрассудная вера” искоренялась в народе и подменялась мечтой о “новом веке, алмазном лапте” (как это было, например, в советское время), народ вдруг терял желание к этому раю двигаться и утомлённо “засыпал”. Сама материалистичность цели не питала, не насыщала русской души и постепенно повергала людей в состояние равнодушия к такой жизни. Ни к Эдему уже не стремились, ни взамен ничего не находили. Тогда и наступало губительное безволие, нежелание хоть сколь-нибудь сознательно определять свой жизненный путь:

*По дороге плетётся машина,
Перелесок раздет и разут.
А в машине – замёрзшая глина.
И куда эти комья везут?
А на комьях сидит мужичонка...
Он доволен минутой покоя
И к тычкам притерпелся давно.
Как же с ним сотворилось такое,
Что куда ни вези – всё равно?..*

За безразличием к своей собственной судьбе следовало равнодушие к судьбе России, и это оборачивалось бедами для неё. Поэтому так много доброго ушло безвозвратно вместе со “старым веком”, много пропало того родного, чего не смогли сохранить в ходе “демократических” перемен и перенести через рубеж эпох в новую Россию:

*Ты своей судьбой не правил,
Не берёг себя вовеки –
Всё хорошее оставил
За горю, в старом веке...*

Об утраченном, в конце концов, стали вспоминать и жалеть. В полусонной отрешённости от жизни России, в “погружении на дно” покоя русскому человеку не обрести. Всегда заденет, разбудит, взбудоражит и лишит блаженного равнодушия нестерпимая мерзость “донной жизни, тинной жизни, вставшей по углам...” Замучает память об ушедшем, изведёт осознание вины перед родиной, чьей судьбой стал распоряжаться кто-то чужой:

*Легче ль тебе, что ты в землю зарыт?
Всё ли с собою унёс ты на дно?..*

Не легче... Когда вдруг ясно видны становятся результаты добровольного отстранения от жизни, уже ни “тяжкая усталость”, ни “горькие обиды” не являются оправданием:

*Образумишься, когда затопит,
Запоздало вперишься в окно...
И морочит, и гнетёт, и давит
Медленное тленье глубины...*

Образы русской природы, родных пейзажей могут подсказать читателю и ответ на тревожащий главный вопрос: как жить? “Уходить на дно” или всё-таки терпеть?.. Может быть, изнемогая от усталости и потеряв всякую надежду, но терпеть. Терпеть до конца и терпеливо преодолевать выпавшие на долю бедствия:

*...Небо вечное! Переневолилось ты,
Но другого тебе не дано бытия.
И устали, устали столбы и кусты –
Не уйти: где поставлены, там и стоят.
Видно, Божьим творениям выбора нет,
Есть удел. И устали они до того,
Что уже не считают ни дней и ни лет,
И не ждут, и не просят уже ничего.*

Нет, полное забвение, полное омертвление души всё равно невозможно! Всё равно нужно жить, а значит, нужно куда-то идти. И стихи Светланы Сырневой подсказывают, как жить и куда идти тем, кто, очнувшись от долгой болезни безволия, ищет в жизни свой путь. Поэзия Сырневой духовно отрезвляет читателя, она выводит современного русского человека из наркотического опьянения памятью. Поэт при этом, конечно же, вовсе не забывает о прошлом, никак не отрекается от него. Но в её зрелых стихах нет болезненного надрыва, плача по безвозвратно потерянному, нет мучительной ностальгии.

Есть трезвое и мужественное осмысление ушедшей эпохи, осмысление русской истории. И это правильно, это для нас необходимо. Без этого никогда не разобраться нам в настоящем:

*Корка хлеба ржаного, стакан молока,
И от этой ничтожности сытость была?
Словно чья-то не зримая нами рука
Клала что-то ещё на пустыню стола...*

Жили всё-таки и в советские времена той “безрассудной верой”, которая, пусть не осознанная и не названная, не была начисто вытеснена идеологией. И в советские годы нематериалистичность русского сознания всё же сохранялась. Всё же не было искоренено до конца духовное начало, которое всегда помогало народу жить, “не пеняя на провалы, прорехи, гниль да былё”. Людей поддерживало, незримо соединяло общее восприятие мира России, единое “тайное” мироощущение:

*Переметный барак незапамятных лет,
На задворках сарай обветшал и осел:
Его крыша дырява, но в каждый просвет
Входит небо, и мир твой по-прежнему цел...
Безотказно спешила душа восполнять,
Восстанавливать мир из себя самое...*

Воскрешать и восстанавливать распавшийся мир России следует, как всегда, возвращаясь к традиции. Традицию – культурную, духовную – долго хранит человеческая душа в виде каких-то тайных, может быть, глубоко заправятных кодов. Причём возрождать традицию “душе” приходится именно в той реальности, которая нас окружает. Здесь и теперь, а не в мечтах о прошлом и будущем придётся воскрешать веру, культуру и всё то, чем душа может заполнить, не отторгая, свои “вылепленные соты”. Потому что всё равно – этого своего духовного мёда никогда не заменят и не вытеснят никакие заморские материально-потребительские сласти:

*... И щедрот иноземных нам некуда лить,
Ибо чаша была и осталась полна.*

То, что способность к “восполнению, восстановлению мира из себя самое” в народе осталась, и доказывают стихи Светланы Сырневой. Утерянный в годы перемен смысл жизни можно, оказывается, отыскать не только в прошлом. Зрелый, мудрый и очень талантливый поэт напоминает об этом тем, кто, духовно отрезвев и вернувшись к настоящему, усомнился в возможности спасения среди нахлынувшей “донной жизни, тинной жизни”. Сырнева помогает тем, кто, разочаровавшись, испугавшись, впал в не менее губительную, парализующую рефлексю:

*... Что нам делать, чтобы себя спасти
Там, где, может, вовсе спасенья нет...*

Преобладающая интонация стихотворений Сырневой – это “светлая печаль”. Уныния и безнадежности в этой “светлой печали” нет. Более того, в её стихах ощущается некое предчувствие нового “поля Куликова”, предощущение грядущей судьбоносной духовной битвы, в которой можно ещё победить. Но победа такая придёт лишь тогда, когда народ преодолеет свою растерянность, потерянную, усталость. Победа будет лишь при условии бодрого и упрямого желания делать настоящее реальное дело, стремления подвижнически трудиться – каждого на своём месте:

*Сожалеть об утраченном поздно.
И куда за подмогой пойдёшь?
На единственном поле колхозном,
Как положено, вызрела рожь...
Может, это последнее поле,*

*Может, это последний комбайн!
Весь в пыли, не растерян нисколько,
И откуда сыскался таков –
Без обеда работает Колька,
Без подмены трубит Куликов.
Ветер сушит усталые очи,
На семь вёрст по округе – сорняк.
К ночи Колька работу закончит.
Так задумал и сделает так...
Передряги твои позабыты.
Жив как есть, хоть и вовсе один.
Выше горечи, выше обиды
Нескончаемый шелест вершин.
Спи под сводами древнего шума,
Здесь не сможет никто помешать.
И не думай, вовеки не думай,
Для чего надо жить и дышать.*

И, наверное, не “вовсе один” Колька Куликов настроен на победу на своем “Куликовом поле”. Ратники, которые бьются с заповолившими пространство “сорняками”, всё-таки есть. Иначе могло бы разве возникнуть сегодня такое явление, как поэт Светлана Сырнева? Наверное, действительно только “совокупная народная воля”, творческая сила народа, запряганная, “ушедшая в катакомбы”, “под воду”, но не растроченная еще до конца, могла воплотиться в такой мощной, глубокой поэзии – и самобытной, и традиционной, и современной. Поэзии, где эстетический катарсис неотделим от духовной глубины и острой зрелой мысли. Поэзии не временной, не “заказной”, но, похоже, вошедшей естественно и прочно в русскую литературную традицию. Поэзии, дающей ответ на вечный вопрос, в чём же он всё-таки – тот смысл жизни, смысл, ради которого нужно продолжать жить на своей русской “холодной земле”, “извлекать из пустот, в пустоте вышивать по начертанной Богом незримой канве...”